

Тимофей Шерудило

Сомнение и свобода

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-09
ББК 85
Ш50

Шерудило Т. А.

Сомнение и свобода / Т. А. Шерудило — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2019. — 275 с.

ISBN 978-5-5321-0800-4

Можно ли в наши дни ходить по путям, по которым ходили писатели Старого мира — вспомнить хотя бы Розанова? Можно. Стоявшие перед ними вопросы никуда не исчезли. Людей научили не думать о душе, культуре, месте человека в мире, но ни душа, ни культура, ни религия как вечная человеческая потребность — не перестали от этого существовать. В этой книге собраны мысли о таких «несуществующих» с точки зрения нашего века предметах. Том второй.

ISBN 978-5-5321-0800-4

© Шерудило Т. А., текст, 2004
© Omiko Trading LTD., оформление, 2019

Сомнение и свобода

Предисловие

Думаю, настало время оставить всякие надежды в отношении нашей эпохи и сказать: это время настолько враждебно духу и всякой высшей душевной деятельности, насколько возможно. «Разрешим этим людям искать удовольствия – если могут... богатства – если могут... – говорит оно. – Но запретим им высказывать свое мнение о чем бы то ни было; или нет, лучше *разрешим* высказываться о чем угодно, но только при условии, что это высказывание будет неосмысленно, нечленораздельно и невнятно. Пусть говорят, сколько хотят – лишь бы им было нечего сказать!» Я знаю, чей это голос, но такое знание трудно выразить, и мало кто ему поверит. «Всё дам, если падши поклонись мне». Народы пали перед тем, кто это сказал; перед тем, кто дает силу без правды. Надо ли его называть? На событиях отпечаток, который можно назвать только дьявольским, а время наше можно назвать только апокалиптическим. Его успехи призрачны. Стремительное падение дает человечеству то же самое упоение скоростью и свободой движения, что полет; и думая парить, оно падает, упиваясь чувством *свободного падения*.

Говоря: «апокалиптический», я не имею в виду скорого и неперемного конца мира, но лишь описанное в Апокалипсисе состояние человечества, которому свойственны сосредоточение земной власти, умаление личности и величайшая опасность для искушаемой силой человеческой души. Чувствуя необходимость самооправдания, эта эпоха выработала философию, можно сказать даже – метафизику, почти религию, основные положения которой – бессмысленность мироздания, признание человека неответственным за свои поступки орудием природных сил, поклонение силе как оправданию деятеля и насилию как образу его действий... По отношению к этому времени мыслитель может быть только *вольнодумцем*, сомне-

вающимся и потому свободным. На уверения в бессмысленности мироздания можно ответить только упорными поисками истины. «Правда, – по словам Достоевского, – выше Некрасова, выше Пушкина, выше народа, выше России, выше всего, а потому надо желать одной правды и искать ее, несмотря на все те выгоды, которые мы можем потерять из-за нее, и даже несмотря на все те преследования и гонения, которые мы можем получить из-за нее». Этим и будем руководствоваться.

Говорят, однако: «ради истины совершались злодеяства». Возможно. Но ради лжи никто и пальцем не пошевелил. Итак, откажемся от истины и погрузимся в изучение по возможности неважных вещей... но для чего тогда жить? Не знаю. Человек творчества знает, что можно жить ради собственной прекрасной души. Я говорю «прекрасной» исключительно потому, что уверен в том, что душа прекрасна, и всё, что от нее исходит – хорошо. Душа – это источник вод, в которых отражается Бог, а больше нам ничего и не нужно.

Наша душа, говорит один русский мыслитель, «не продукт наследственности, среды и воспитания», а нечто гораздо большее. Здесь главное. Есть определенный и неповторимый «вкус собственной души», который я ощущаю с тех пор, как себя помню; его не меняют, думаю, ни среда, ни воспитание, а что такое «наследственность» в этой области, мы даже и не знаем. На всём протяжении жизни я знаю себя одним и тем же. Это что-нибудь значит? Хотел бы думать, что да. И мир, каким я его ощущаю, есть мир, прошедший через мою душу. При всех наших сомнениях неотменимо чувство несомненной реальности душевной жизни; сомнения, собственно говоря, относятся к области толкования душевного опыта – сам он непреложен.

К сожалению, мы брошены в общество, совершенно враждебное душе и ее идеалам, помешанное и замешанное на поклонении новому божеству – Силе, с ее атрибутами: жестокостью и насилием. Сила, насилие, жестокость, ужас – вот новые святыни, перед которыми надо преклониться. Кто не поклонился – выброшен из поверхностной «культуры» наших дней. «Массовой культуре» про-

тивостоит самодовольная наука ¹ с ее отвращением к «мыслям» и любовью к «фактам», с приятием фактов, освобожденным от всякой оценки, и очень шатким, если не прямо отсутствующим, понятием о нравственности. «Наука констатирует и объясняет, а ценности устанавливает нравственное суждение, столь же автономное, как автономна и наука», говорил П. Б. Струве в первой четверти XX столетия. Крупнейшим событием недавнего времени, однако, было уничтожение независимого от науки нравственного суждения. В науке признали не только добытчика сведений, но и поставщика истин, и на этом новом поприще наука блистательно провалилась. Ни наука, ни массовая культура не имеют ни гроша за душой, и всё, что они могут предложить человеку – это следовать своим желаниям, тогда как в первую очередь он нуждается совсем в другом: в знании того, что ему делать *нельзя* и того, что ему делать *нужно*, т. е. – надо ли пояснять? – в положительных ценностях, главнейшим источником которых в пределах русской и европейской культуры является христианство – по меньшей мере, до прихода следующего возможного откровения.

Трагедия новейшей эпохи в том, что Христос был вполне и во всём прав, а мир пытается жить без Христа, как будто Его не было. Все внутренние скрепы общества исчезли, потому что имели религиозный корень – совесть, дисциплина, честь... Что-то в мире трагически расколото. С одной стороны, нравственное одичание поклонившегося силе человечества, уже апокалиптические ужасы; с другой – материальное процветание самых бездуховных или духовно больных стран. Я вижу истинность Евангелия по тому, что происходит с душой западного человечества, но я не понимаю, куда по дороге этих ужасов ведет нас судьба... Ужас мешает мыс-

¹ Или, всё-таки, лучше сказать «полунаука»? Достоевский в «Бесах» говорит: «Никогда разум не в силах был определить зло и добро или даже отделить зло от добра, хотя приблизительно; напротив, всегда позорно и жалко смешивал; наука же давала разрешения кулачные. В особенности этим отличалась полунаука, самый страшный бич человечества, хуже мора, голода и войны, неизвестный до нынешнего [XIX] столетия. Полунаука – это деспот, каких еще не приходило до сих пор никогда. Деспот, имеющий своих жрецов и рабов, деспот, перед которым все преклонились с любовью и с суеверием, до сих пор немислмым, пред которым трепещет даже сама наука и постыдно потекает ему».

лить. Что же нам делать? Сомневаться и быть свободными; и непременно не всему верить, что может быть доказано. Доказательствами, и хорошими доказательствами, были снабжены многие губительные и ложные учения новейшего времени. Если бы путь логических заключений приводил к истине, то давно бы уже не было несчастных. Раз это не так, мы вправе предположить, что логика и истина не состоят в непосредственном родстве, а разум – не крайний судия правды, и если это так, то мы еще можем на что-то надеяться.

9.X.2002

Что такое уединенный мыслитель? Это мыслитель, который занимается никому не нужными, но самыми важными вопросами, и ищет к ним никому не нужные, но самые важные ответы. Между ним и обществом – если бы только общество озаботилось его заметить – мог бы состояться такой разговор:

– Я вижу правду, и правда меня мучает.

– Чем же?

– Полным несоответствием мировой жизни этой правде.

– Так не кажется ли вам, что мир прав?

– Мне кажется, что мир безумен.

– И вы гордитесь положением единственного трезвого среди пьяных?

– Напротив, ужасаюсь. Тому, кто постоянно имеет дело со словом, не может не приходиться в голову ужасная мысль: что вся его деятельность есть именно *слова и ничего кроме слов*. Мыслитель острее нуждается в поддержке со стороны читателя и своей судьбы, чтобы не увидеть в себе лицедея, вооруженного картонным мечом... Чтобы усиленно выступать в защиту определенных ценностей, нужно видеть перед собой хоть самое малое множество воодушевленных теми же ценностями, иначе мыслитель теряет свое законное место в обществе и занимает гордое и печальное место пророка, причем пророка, искушаемого постоянным сомнением не в проповедуемых им истинах, но *в себе*.

Мои, да в сущности и все настоящие книги суть попытки превращения неделимого целого душевной жизни в отдельные слова – не удивительно, что не всегда удачные. Можно даже заключить, что, когда мы имеем дело с блестящими, точными, законченными построениями в литературе, их источником была *не* душевная жизнь с ее нераздельностью, загадочностью и глубиной. Хорошо заметно, скажем, что Достоевский писал всю жизнь один-единственный

роман, и назывался он *Душа Достоевского*; все же литературные заглавия и фабулы – только внешние. При любом отношении к ней, душа – неразрешимая загадка, и мы можем либо не замечать ее, притворяться, будто ее нет, либо пытаться выразить ее *всю*, без остатка, до конца. Но что такое душа, сказать невозможно. Легче всего отрицательное определение: то, что нам запрещает; что не соглашается; что отвращается от дурного; словом, невесомая сила сопротивления. Таков же был «демон» Сократа: он указывал на то, чего следует избежать. Душа совершенно точно знает, что ей не сродно, но никакого положительного знания о себе не имеет. О душе возможны только некоторые частные утверждения, основанные на нашем внутреннем опыте. Например, что «дионисическая» часть личности, с ее жадной веселья и всяческой полноты и, не в последнюю очередь, половыми стремлениями – также проявление духовной природы человека. Это не жажда плоти, это дух, только в более темных, непросветленных своих движениях, в той своей части, которая не говорит, но только дышит и стремится. Животные лишены «дионисического»: веселье и полнота жизни для них ничего не значат, ведь в них душа выражает себя, а самовыражение животным не свойственно. Скажу так: душевное блаженство, та самая полнота жизни, дается чувством проходящего сквозь душу потока силы, внутреннего движения, выхода за свои пределы, короче говоря, *воплощением скрытого содержания души*, т. е. духа – безмянного, бесплотного, молчаливого и существующего, кроме редких мгновений, лишь в возможности. Это старая, в сущности, мысль: что дух потенциален, и смысл жизни состоит в его воплощении, переходе от возможности к бытию...

Мир расколот трещиной, всё двоится. Нет ничего до конца верного; всякое утверждение может стать отрицанием... Мы ходим среди сгустившихся теней, среди вещественного, плотного мира, за которым душа угадывает невидимую жизнь невещественных основ... Мы до конца погружены в *условное*, и в то же время полны тем, что наша душа признаёт безусловным. Вот безвыходное положение!

И я тоже, в качестве мыслителя, ищу трезвости и ясности, но я ищу их в дебрях и темноте действительного мира со всем его ужасом и величием, а не в выдуманном и простом мире умственных построений и догм – мире, укрыться в котором всегда тяготеет человеческая мысль. «Qu'on ne nous reproche pas de manque de clarté!»², восклицал Паскаль. Но всё же мыслитель жаждет именно ясности, однако, как я уже говорил, через мир прошла трещина, и ясность имеет свойство обращаться в глухие потемки... Мы *ищем* ясности, но находим двузначные истины, находим множество взаимоисключающих истин... и ясность оказывается мечтой самонадеянного ума.

Если принять дуализм, т. е. *напластованность* мироздания, в котором слой духа проявляет себя посредством вышележащего слоя материи, – наука и вера несогласимы никогда, точнее, истины веры еще могут, как более глубинные, находить себе отражение в наблюдениях науки, но не наоборот. В этом случае в мире есть два независимых ряда законов и явлений, один из которых в меру возможностей воспроизводится на другом... и изучение одного ряда не приближает нас к пониманию другого. Нет окончательной разгадки, пока мы погружены в известный нам материальный мир, но только *двуединая тайна бытия*. При таком взгляде на вещи противостояние Рационализма и Средневековья оказывается мнимым: и тут, и там – монизм, только глядящий в разные стороны, монизм духа и монизм материи. Новейшее время оказывается повторением средних веков, только по-другому направляющим взгляд... Всё по-настоящему успешное и жизненное в новой истории – как императорская Россия или Европа XVIII-XIX столетий – отличается *дуализмом*, принятием духовных мерил в отношении духовного и рациональным отношением к миру мертвых вещей. Как только этот *благословенный дуализм* был изжит, общество начало рушиться. Первая мировая война и время новейших революций (большевицкой и национал-социалистической) отметили не «конец христианства», как думали Ницше и Розанов, но конец дуализма в умственной

² Пусть не упрекают нас в недостатке ясности!

жизни, конец неустойчивого равновесия между духом и силой, которой несколько веков удерживалось европейским человечеством... Началось в подлинном смысле слова средневековье, но с обращенными ценностями: не «царство духа», но «царство силы».